Николай Гротъ.

ПАМЯТИ Н. Н. СТРАХОВА.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ
ЕГО ФИЛОСОФСКАГО МІРОСОЗЕРЦАНІЯ.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собств. домъ.
1896.

Библиотека "Руниверс"

1896 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА Годъ VII.

НА ЖУРНАЛЪ

„Вопросы Философіи и Психологіи".

Изданіе МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи; въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ, опытная и физіологическая психологія психопатологія. 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ философовъ и психологовъ. 3) Общіе обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи, и библіографія. 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія. 5) Переводы классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (въ началѣ января, марта, мая, сентября и ноября) книгами около 15 печатныхъ листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: На годъ (съ 1-го января 1896 г. по 1-е января 1897 г.) безъ доставки—**6** р., съ доставкой въ Москвѣ—**6** р. **50** к., съ пересылкой въ другіе города—**7** р., за границу—**8** р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ **2** руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимаются **только** въ конторѣ редакціи.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазиновъ **«Новаго Времени»** (С.-Пб., Москва, Одесса и Харьковъ), **Карбасникова** (С.-Пб., Москва, Варшава), **Вольфа** (С.-Пб. и Москва), **Оглоблина** (Кіевъ), **Башмакова** (Казань) и **другихъ**, принимается въ конторѣ журнала: **Москва**, Никитская, д. 2—24 (въ помѣщеніи журнала «Русская Мысль»).

Полные годовые экземпляры журнала за **второй** (№№ 5—9), **третій** (№№ 10—14), **четвертый** (№№ 16—20), **пятый** (№№ 21—25) и **шестой** (№№ 26—30) годы изданія продаются по 5 руб. за каждый годъ съ пересылкой; подписчики на новый 1896 годъ получаютъ журналъ, при выпискѣ всѣхъ прежнихъ годовъ изданія сразу, по 4 рубля за каждый годовой экземпляръ. № 15-й журнала, оставшійся въ небольшомъ количествѣ экз., продается отдѣльно за 2 руб. При выпискѣ всѣхъ означенныхъ книгъ наложеннымъ платежомъ взимается съ каждаго руб. по 2 к.

Всѣ статьи для журнала должны быть направляемы въ контору редакціи журнала, а вся редакціонная переписка по адресу: Москва, Чистые Пруды, Мыльниковъ переулокъ, д. Наживина, редактору Василію Петровичу **Преображенскому**.

Предсѣдатель Московскаго Психолог. О-ва **Н. Я. Гротъ**.

Редакторы: **Л. М. Лопатинъ. В. П. Преображенскій.**

Библиотека "Руниверс"

Николай Гротъ.

ПАМЯТИ Н. Н. СТРАХОВА.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ

ЕГО ФИЛОСОФСКАГО МІРОСОЗЕРЦАНІЯ.

Оттискъ изъ № 32 „Вопросовъ Философіи и Психологіи".

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская улица, собств. домъ.
1896.

Библиотека "Руниверс"

Дозволено цензурою. Москва, 17 апрѣля 1896 года.

Библиотека "Руниверс"

Памяти Н. Н. Страхова *).

Къ характеристикѣ его философскаго міросозерцанія.

„Есть старинное ученіе, что та же дверь, которая ведетъ въ глубину нашего сердца, ведетъ и въ область божественныхъ силъ. Это—прекрасное и истинное ученіе; на этомъ пути нужно искать Бога, а не въ четвертомъ измѣреніи пространства". (Страховъ „Вѣчныя истины", стр. 56).

Крайне малочисленный еще кружокъ русскихъ философовъ, сплотившійся въ послѣдніе годы для общей работы въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи", понесъ недавно тяжелую и незамѣнимую утрату въ лицѣ скончавшагося въ Петербургѣ 24 января 1896 г., на 68 году жизни, Николая Николаевича Страхова.

Два года назадъ, по предложенію нѣкоторыхъ московскихъ философовъ, Психологическое Общество избрало Н. Н. своимъ почетнымъ членомъ, одновременно съ графомъ Л. Н. Толстымъ. Значеніе Н. Н. Страхова слѣдующимъ образомъ было охарактеризовано въ запискѣ московскихъ психологовъ: „Человѣкъ разносторонне и широко образованный, мыслитель тонкій и глубокій, замѣчательный психологъ и эстетикъ, Н. Н. Страховъ представляетъ и какъ личность выдающіяся черты — стойкостью своихъ убѣжденій, тѣмъ, что онъ никогда не боялся идти противъ господству-

---

*) Рефератъ, читанный въ Московскомъ Психологическомъ обществѣ.

Библиотека "Руниверс"

ющихъ въ наукѣ и литературѣ теченій, возставать противъ увлеченій минуты и выступать на защиту тѣхъ крупныхъ философскихъ и литературныхъ явленій, которыя въ данную минуту подвергались гоненію и осмѣянію. Какъ писатель, Н. Н. Страховъ отличается выдающимися достоинствами: тщательная литературная отдѣлка его сочиненій, ясность стиля, осторожность приговоровъ и спокойное логически-послѣдовательное изложеніе—таковы выдающіяся качества его, какъ литератора. Какъ философъ, Н. Н. является оригинальнымъ представителемъ особаго міросозерцанія, примыкающаго къ лѣвой фракціи гегеліанства,—міросозерцанія, въ которомъ онъ съ замѣчательной своеобразностью и тонкостью логическаго анализа старается примирить начала современнаго научнаго реализма съ идеалистическими принципами отвлеченной философіи. Какъ политическій мыслитель, Н. Н. всегда писалъ въ духѣ и въ защиту славянофильства".

Думаемъ, что въ этихъ немногихъ словахъ правильно были выражены выдающіяся черты личности покойнаго Н. Н. Страхова. При мягкомъ и необыкновенно уравновѣшенномъ характерѣ, Н. Н. былъ настоящимъ философомъ не только въ писаніяхъ своихъ, но и въ скромной своей жизни, и потому можно было разсчитывать еще на продолженіе его плодотворной 40-лѣтней литературной дѣятельности. Но въ послѣдніе два года Н. Н. Страховъ началъ серьезно хворать, вынесъ весною 1895 г. тяжелую операцію и осенью чувствовалъ себя уже „не тѣмъ человѣкомъ, какимъ былъ прежде".

Въ ноябрѣ Н. Н. началъ писать для нашего журнала давно обѣщанную имъ статью „О естественной системѣ съ логической стороны", гдѣ думалъ выразить самыя интимныя свои убѣжденія, касающіяся философіи природы, но 8 декабря 1895 г. онъ писалъ намъ: „Прежде всего долженъ просить у васъ прощенія: я не могу приготовить своей статьи и къ слѣдующей (январьской) книгѣ журнала. Статья начата и я пишу ее съ большимъ стараніемъ; но не могу преодолѣть какой-то

Библиотека "Руниверс"

тяжести головы и пера,—ну, однимъ словомъ, статья не будетъ вамъ послана къ 15 декабря. Однако, я ее допишу и *твердо* обѣщаю прислать ее къ мартовской книжкѣ, то-есть въ концѣ января. Н. Н—чу не суждено было исполнить своего твердаго обѣщанія; статья его, можетъ быть, уже почти готовая, вѣроятно, не попадетъ въ тотъ журналъ, для котораго она была предназначена—Н. Н. такъ быстро заболѣлъ и такъ неожиданно скончался, что не успѣлъ сдѣлать никакихъ распоряженій на случай смерти. Про Страхова можно сказать почти то же, что Цицеронъ (на основаніи древнихъ біографовъ) разсказываетъ о Платонѣ: scribens est mortuus (онъ умеръ во время писанія); предъ смертью ему стало немного полегче и, какъ намъ передавали, послѣднія слова его были: „ну, теперь я отдохнулъ и пойду писать".

Н. Н. Страховъ былъ *писателемъ* по преимуществу—писателемъ-художникомъ, любившимъ и глубоко чтившимъ слово, какъ орудіе мысли и творчества. Онъ не былъ самъ художникомъ-творцомъ, но зато—кто лучше Страхова понималъ красоты художественныхъ произведеній, красоту поэзіи и творчества? Въ своихъ извѣстныхъ статьяхъ и книгахъ „Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ", „Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ" и др., Страховъ обнаружилъ рѣдкое умѣнье правдиво оцѣнивать художественное значеніе старыхъ и новыхъ, еще никѣмъ не отмѣченныхъ произведеній изящной литературы, ставить ихъ сразу на надлежащее мѣсто, точно опредѣлять своеобразное значеніе художника-писателя, выяснять особый родъ его таланта и растолковывать его сильныя и слабыя стороны. Въ этихъ своихъ критико-литературныхъ трудахъ Страховъ всего извѣстнѣе и доступнѣе большой публикѣ, но сколько нужно было и собственныхъ дарованій, и философскаго и научнаго развитія, чтобы стать такимъ чуткимъ и глубокимъ критикомъ, какимъ былъ Н. Н!

По роду своего таланта Страховъ былъ именно и по пре-

Библиотека "Руниверс"

имуществу писателемъ-критикомъ,—критикомъ не только въ области поэзіи и изящной литературы, но и въ области философіи, точной науки и доктринъ политическихъ, повсюду почти одинаково компетентнымъ, тонкимъ и проницательнымъ. Въ странѣ, гдѣ нѣтъ еще полной свободы слова, всякому критику, съ какимъ бы ни было міросозерцаніемъ, живется тяжело: ремесло его неблагодарное. Онъ создаетъ себѣ часто враговъ только вслѣдствіе неизбѣжныхъ недомолвокъ, умолчаній и предосторожностей. И несомнѣнно, что Страховъ раздѣлялъ участь всѣхъ русскихъ писателей — невозможность иногда высказаться вполнѣ, до конца—и долженъ былъ терпѣливо выносить происходившія отсюда недоразумѣнія, видѣть непониманіе своихъ намѣреній и замысловъ, терпѣть упреки въ двуличіи и политическое заподозриваніе — иногда даже въ ретроградныхъ тенденціяхъ. Но кто зналъ Страхова ближе и внимательно слѣдилъ за его литературною дѣятельностью въ разныя эпохи, долженъ признать, что эти упреки несправедливы уже потому, что Страховъ оставался вѣренъ своему основному міросозерцанію въ теченіе всей своей жизни, каковы бы ни были въ данную эпоху литературныя, философскія и политическія вѣянія. И замѣчательно, что Страхову приходилось быть всегда въ оппозиціи именно къ тѣмъ теченіямъ мысли, которыя были въ данное время наиболѣе модными, властными. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ онъ велъ борьбу и полемику съ Писаревымъ, Лавровымъ, Антоновичемъ, Чернышевскимъ, Герценомъ, въ 80-хъ и 90-хъ — съ дарвинистами, Вл. С. Соловьевымъ и съ противниками философскаго и религіознаго міросозерцанія Л. Н. Толстого, хотя отлично зналъ, что извѣстная его статья „Толки объ Л. Н. Толстомъ“ *), въ періодъ самаго горячаго гоненія на этого писателя со стороны консервативной прессы, не могла понравиться и въ оффиціальныхъ кругахъ. По поводу этой статьи онъ писалъ намъ 30 мая 1891 года слѣдующее: „У меня есть статья

*) „Вопросы Философіи и Психологіи“, 1891 г., кн IX, стр. 98—132 (II отдѣла).

Библиотека "Руниверс"

«Толки объ Л. Н. Толстомъ», которую я напрасно пытался напечатать въ разныхъ журналахъ. Хотя она написана вполнѣ цензурно, редакторы боялись привязки цензуры... Не возможно ли будетъ напечатать ее въ *Вопросахъ?* Собственно, *Вопросы* обязаны употребить всѣ усилія для напечатанія этой статьи... Точный взглядъ на нашего великаго писателя, изложенный у меня, долженъ быть принятъ въ журналъ, какъ исполненіе неотложной обязанности... Мнѣ было бы очень пріятно помѣщеніе ея въ *Вопросахъ,* у которыхъ есть публика довольно хорошая.. Самое почтенное для моей статьи мѣсто—вашъ журналъ"... Конечно, редакція «Вопросовъ Филос. и Психол.» съ удовольствіемъ согласилась на напечатаніе талантливой статьи Н. Н. и употребила всѣ усилія для помѣщенія ея въ надлежащемъ видѣ.

Во многихъ письмахъ къ намъ Н. Н. Страховъ жаловался, что всю жизнь ему приходилось вести борьбу съ редакторами журналовъ *) и съ цензурой изъ-за точной печатной передачи его мыслей, и въ 1890 году (въ письмѣ отъ 27 ноября) онъ написалъ намъ слѣдующія характерныя признанія: „Тридцать пять лѣтъ я пишу подъ цензурой и, можно сказать, ежеминутно чувствую отъ нея стѣсненіе... Съ цензурой нужно бороться, но переносить ее необходимо. Всѣ мы ее терпимъ и должны сказать себѣ, что будемъ работать, что̀ бы она съ нами ни дѣлала... Хуже будетъ, если перестанемъ писать" **). Какъ политическій мыслитель, Н. Н. Страховъ принадлежалъ, въ общемъ, какъ было сказано, къ лагерю славянофиловъ, вслѣдствіе чего могъ сравнительно свободно высказываться, но и тутъ ему приходилось мно-

*) „Еще недавно пострадали: моя статейка объ Ап. Григорьевѣ и письмо объ Аѳонѣ... Всегда я съ этимъ боролся и всегда немножко обижался", писалъ онъ намъ въ сентябрѣ 1891 г.

**) Конечно, Н. Н. разумѣлъ, главнымъ образомъ, ту бѣду, которая произошла съ нимъ въ самую либеральную эпоху—въ 1863 г., когда за статью его „Роковой вопросъ" подверглось запрещенію „Время", послѣ чего московская цензура нѣкоторое время не пропускала ни одной строки Страхова (см. письмо Каткова, напечатанное во 2-мъ изданіи II части соч. „Борьба съ западомъ", стр. 134). См. упоминаемую ниже статью Я. Н. Колубовскаго.

Библиотека "Руниверс"

гаго не договаривать. По поводу одного письма къ нему объ этомъ предметѣ онъ выразился такъ *): „Одной только черты вы, къ сожалѣнію, не помянули въ мою защиту, и я рѣшаюсь самъ ее заявить—на всякій случай. Всякаго славянофила подозрѣваютъ въ томъ, что онъ сочувствуетъ деспотизму и питаетъ ненависть къ иноземцамъ. И вотъ я хочу сказать, что я, какъ бы ни былъ грѣшенъ въ другихъ отношеніяхъ, отъ этихъ грѣховъ свободенъ. У меня нѣтъ ни одной страницы антилиберальной, ни одного слова ненависти къ евреямъ, католикамъ и т. п. Не отличался я горячею проповѣдью любви и терпимости, но самъ уберегся отъ ихъ нарушенія". Говоря въ другомъ письмѣ (20 сент. 1890 г.) о нѣкоторыхъ писателяхъ, рѣзко нападавшихъ на Л. Н. Толстого, Н. Н. писалъ: „О, избавь Господь православіе отъ такихъ защитниковъ! Они стоятъ за вѣру, а потому разрѣшаютъ себѣ всякое извращеніе и неуваженіе чужихъ мнѣній; они стоятъ за нравственность, а потому считаютъ долгомъ быть рѣзкими и грубыми..." И если 5 февраля 1894 года, узнавъ объ избраніи его въ почетные члены Московскаго Психологическаго Общества, которое его очень утѣшило, Н. Н. Страховъ писалъ намъ: „На моей могилѣ можно будетъ, конечно, написать: *одинъ изъ трезвыхъ между угорѣлыми*, но дальнѣйшія похвалы подлежатъ еще большому вопросу",—то въ этой самооцѣнкѣ едва ли кто-нибудь усмотритъ излишнее самохвальство.

Выражая крайнее свое негодованіе по поводу статьи одного умершаго уже писателя о нравственномъ ученіи Л. Н. Толстого, Страховъ пишетъ (27 сент. 1890 г.): „Ну, какъ дойти до мысли, что любовь къ людямъ, проповѣдуемая Толстымъ, *ни съ какою нравственностью ничего общаго не имѣетъ?* Что его критика *всего нашего бытія* (быта—что ли?) *представляетъ совершенное отсутствіе основаній?*—Слова: *зло, дикость, негодованіе* и т. п., прилагаемыя къ ученію Толстого, меня возмутили, особенно когда тутъ же упоминается о множествѣ *превос-*

*) Въ письмѣ отъ 13 марта 1894 г.

Библиотека "Руниверс"

ходныхъ статей, *остроумныхъ* мыслей, *глубокихъ* мыслителей, идущихъ противъ Толстого... О томъ, что проповѣдь Толстого имѣетъ христіанскій характеръ, ни слова не сказано. А выходитъ, что статья г. N написана прямо противъ христіанства, предписывающаго именно самоотверженіе, подавленіе эгоизма... Въ коротенькомъ письмѣ трудно высказать мою мысль вполнѣ. У Толстого такое страшное обиліе содержанія—если не рѣшеній, то вопросовъ, что сводить его ученіе на безсмыслицу нѣтъ ничего похвальнаго"...*) По поводу статьи Л. Н. Толстого «Первая ступень», напечатанной въ *Вопросахъ*, Н. Н. Страховъ писалъ черезъ 2 года (6 мая 1892 г.): „Статья Л. Н. Толстого удивительна. Несмотря на разныя крайности и парадоксальности, вы чувствуете такое живое нравственное стремленіе, что оно заражаетъ васъ. Серьезность и чистота мысли—великое, незамѣнимое дѣло".

Мы нарочно привели эти небольшіе отрывки изъ писемъ Н. Н. Страхова, чтобы охарактеризовать прежде всего внутреннюю, интимную сторону его писательской дѣятельности, и теперь намъ легче будетъ, опираясь на слова самого покойнаго писателя, дать общую характеристику его личности, міросозерцанія и значенія его литературной дѣятельности.

Н. Н. Страховъ происходилъ изъ духовнаго званія: сынъ протоіерея и преподавателя словесности въ бѣлгородской семинаріи, Н. Н. родился 16 октября 1828 г. въ Бѣлгородѣ, Курской губ. Девяти лѣтъ онъ потерялъ отца и жилъ затѣмъ у дяди, ректора семинаріи, сначала въ Каменецъ-Подольскѣ, а потомъ въ Костромѣ, гдѣ и окончилъ курсъ семинаріи (философское отдѣленіе), послѣ чего въ 1844 г. поступилъ сначала въ Петербургскій университетъ на факультетъ камеральныхъ наукъ, а затѣмъ оттуда перешелъ черезъ два года, по недостатку средствъ, въ главный педагогическій институтъ, гдѣ кончилъ курсъ по физико - математическому отдѣленію въ 1851 году. Послѣ этого, въ тече-

---

*) Всѣ курсивы принадлежатъ самому Н. Н.

Библиотека "Руниверс"

ніе 10 лѣтъ, Н. Н. былъ учителемъ физики и математики сначала въ Одессѣ, а затѣмъ во 2-й Петербургской гимназіи. Въ 1857 г. Н. Н. пріобрѣлъ степень магистра зоологіи, а съ 1861 г. вышелъ въ отставку и всецѣло посвятилъ себя литературной дѣятельности, сотрудничалъ въ *Эпохѣ*, *Времени*, потомъ въ *Библіотекѣ для чтенія*, *Отечественныхъ Запискахъ*, *Зарѣ*, позднѣе въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Руси*, *Новомъ Времени*, *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, въ *Вопросахъ Философіи* и *Психологіи* и многихъ другихъ изданіяхъ.

Всѣ свои статьи, разсѣянныя въ журналахъ, Н. Н. тщательно собиралъ, пересматривалъ и печаталъ затѣмъ въ формѣ сборниковъ и отдѣльныхъ сочиненій, изъ которыхъ нѣкоторые успѣли уже выдержать 2—3 изданія. Служба Н. Н.—сначала библіотекаремъ въ Императорской публичной библіотекѣ (съ 1873 по 1885), потомъ въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія (съ 1874 г. и до смерти),—имѣла для Н. Н., главнымъ образомъ, то значеніе, что давала ему необходимыя средства къ жизни, обезпечивала ему должный досугъ для его литературныхъ работъ и свободу отъ ненавистнаго ему по натурѣ срочнаго и спѣшнаго литературнаго труда.

Н. Н. умеръ старымъ холостякомъ, жилъ скромно на пятомъ этажѣ большого петербургскаго дома и всѣ свои сбереженія тратилъ на пополненіе превосходной своей философской и литературной библіотеки *). Тѣсныя дружескія отношенія Н. Н. съ покойнымъ Н. Я. Данилевскимъ, съ авторомъ извѣстной книги „Освобожденіе крестьянъ" Н. П. Семеновымъ, поэтомъ А. А. Фетомъ и особенно съ Л. Н. Толстымъ, и пріятельскія связи и переписка съ нѣкоторыми молодыми петербургскими и московскими философами наполняли его досуги. Почти всегда спокойный, кроткій и добродушный въ обхожденіи, Н. Н. вносилъ какой-то осо-

---

*) Судьба этой библіотеки насъ очень занимаетъ; ее не слѣдовало бы разрознивать. Она должна была бы войти особымъ отдѣломъ въ одно изъ правительственныхъ или общественныхъ книгохранилищъ. У насъ такъ мало хорошихъ философскихъ библіотекъ.

Библиотека "Руниверс"

бенный тихій свѣтъ въ то общество, въ которомъ появлялся и среди котораго жилъ. Злобы къ людямъ въ немъ не было, и онъ всегда готовъ былъ мириться даже съ самыми серьезными своими литературными обидчиками, а другихъ враговъ у него не было и не могло быть.

Главнѣйшія сочиненія Страхова мы считаемъ необходимымъ здѣсь перечислить. Число же статей его въ журналахъ такъ велико (болѣе 100 названій), что мы отсылаемъ для подробнаго ознакомленія съ ихъ хронологическою последовательностью къ статьѣ Я. Н. Колубовскаго, напечатанной въ „Матеріалахъ для исторіи философіи въ Россіи" *).

Важнѣйшіе труды Страхова, въ которыхъ собраны наиболѣе замѣчательныя его статьи, слѣдующіе: 1) Міръ какъ цѣлое (Изд. 2-е, испр. и дополн., Спб. 1892), 2) Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи (Изд. 2-е, Сп. 1894), 3) Философскіе очерки (Спб. 1895), 4) О вѣчныхъ истинахъ (мой споръ о спиритизмѣ) (Спб. 1887), 5) Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ (Кн. 1, 2 и 3-я. Спб. 1887, 90—96), 6) Изъ исторіи литературнаго нигилизма (Спб. 1890), 7) Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ (Спб. 1888), 8) Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ (Изд. 3-е. Спб. 1895), 9) Воспоминанія и отрывки (Спб. 1892). Мы перечислили ихъ въ томъ порядкѣ, какой опредѣляется ихъ значеніемъ для характеристики философскаго міросозерцанія Н. Н. Страхова **).

Сочетаніе такихъ факторовъ, какъ происхожденіе изъ званія духовнаго, строго философская школа старыхъ семинарій, прохожденіе полнаго курса физико-математическихъ наукъ, настолько серіозное, что оно увѣнчалось пріобрѣтеніемъ ученой магистерской степени по предмету зоологіи,

---

*) „Вопросы Философіи и Психологіи", мартъ 1891, кн. 7-я, Приложеніе, гл. IX. Ср. очеркъ Я. Н. Колубовскаго въ „Исторіи новой философіи Ибервега-Гейнце". Сп. 1890, § 52. Философія у русскихъ.

**) Относительно перваго изъ перечисленныхъ сочиненій своихъ, Н. Н пишетъ въ предисловіи ко 2-му изданію: „На половину съ отрадой, на половину съ грустью, мнѣ пришлось убѣдиться, что лучше я ничего не писалъ". (XIII стр.).

Библиотека "Руниверс"

десятилѣтняя дѣятельность педагогическая, служба библіотекарская, редакторская и учено - критическая, наконецъ, разносторонняя дѣятельность литературная,—какъ философа, публициста, художественнаго критика, ученаго издателя (сочиненій Н. Я. Данилевскаго) и переводчика капитальныхъ философскихъ и научныхъ сочиненій *)—сочетаніе такихъ факторовъ въ единствѣ цѣльнаго, логически послѣдовательнаго ума и въ соединеніи съ большимъ литературнымъ дарованіемъ, дало именно ту личность — разносторонняго, логически тонкаго, глубоко просвѣщеннаго и оригинальнаго по пріемамъ мыслителя-критика, какимъ былъ Н. Н. Страховъ. Стремясь къ идеалу *простоты*, *добра и правды* (см. заключительныя слова Н. Н. въ разборѣ „Войны и мира" Л. Н. Толстого), Н. Н. мыслилъ строго логически и чрезвычайно отчетливо и старался писать, какъ онъ выражается въ одномъ письмѣ къ намъ, „взвѣшивая каждое слово и каждую запятую, *какъ можно короче* и *какъ можно яснѣе*". И несомнѣнно, что философскія произведенія Страхова останутся однимъ изъ самыхъ прочныхъ и прекрасныхъ памятниковъ русскаго философскаго писательства въ XIX вѣкѣ.

Чтобы уяснить себѣ міросозерцаніе Н. Н. Страхова, нужно знать его корни. Въ апрѣлѣ 1893 года Н. Н. писалъ намъ: „Я гегельянецъ, и чѣмъ дольше живу, тѣмъ тверже держусь діалектическаго метода; между тѣмъ никто его себѣ не усвоилъ, и потому не понимаетъ, чего я хочу и на чемъ стою. Всѣ становятся куда попало, на точки очень частныя и очень низменныя,—мнѣ это и скучно и трудно, когда приходится мѣняться мыслями. Вы, напримѣръ, объявили меня картезіанцемъ **). Почему же? Вѣдь я исповѣдую, что вся-

*) Упомянемъ только переводы многотомной „Исторіи новой философіи" Куно-Фишера, „Исторія матеріализма" Ланге, соч. Тэна „Объ умѣ и познаніи", Брэма „Жизнь птицъ".

**) Здѣсь Страховъ разумѣетъ наше замѣчаніе въ статьѣ о Декартѣ („Вопросы Философіи и Психологіи", кн. IX,—ср. Основные моменты въ развитіи новой философіи. М. 1894, стр. 48). Въ предисловіи ко 2-му изд. соч. „Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи" (стр. XIII) Страховъ поясняетъ, что, приводя разсужденіе Декарта, онъ „видѣлъ въ немъ не какой-либо оконча-

Библиотека "Руниверс"

кая философія есть степень или моментъ въ той, которой я держусь. Декартъ больше кого бы то ни было подходитъ подъ это понятіе; только для того и стбитъ его изучать. Еслибъ вы заглянули въ Куно Фишера „Logik und Metaphysik“ и въ Chalybaeus „Entwickelung der neueren Philosophie“, то нашли бы тамъ элементы моего философствованія. Истину нашелъ уже Платонъ: *она состоитъ въ томъ, что есть Богъ и что высшее дѣйствіе нашей мысли—подниматься къ Богу*“.

О тѣсной связи своего міросозерцанія съ философіей Гегеля Страховъ высказывался неоднократно и въ своихъ сочиненіяхъ. Въ статьѣ „О значеніи Гегелевой философіи въ настоящее время“ (Свѣточъ, 1860) Н. Н. выражаетъ убѣжденіе, что „вмѣстѣ съ Гегелемъ конченъ раздоръ между философами; онъ возвелъ философію на степень науки, поставилъ ее на незыблемомъ основаніи...“ „Въ самой сущности Гегелева взгляда лежитъ примиреніе всѣхъ взглядовъ, ученій, ихъ взаимное пониманіе, ихъ сліяніе воедино“. Но весьма цѣнно то, что связь своего міровоззрѣнія съ гегелевскою философіей Страховъ открыто подтвердилъ и въ письмѣ 1893 г., и затѣмъ въ 1895 г. въ предисловіи къ своимъ „Философскимъ очеркамъ“, гдѣ перепечатана упомянутая статья о гегелевской философіи. Въ этомъ предисловіи Страховъ говоритъ: „Уже въ первой статьѣ (о значеніи Гегеля), которую я считаю наиболѣе слабою по выполненію, высказаны многія положенія, отъ которыхъ я и теперь не отступаю, которыя часто составляли темы послѣдующихъ статей...“ (V).

Но что же именно взялъ у Гегеля Страховъ? Нельзя никакъ назвать его приверженцемъ философской системы Гегеля въ ея цѣломъ. Онъ самъ допускаетъ „несовершенство“ этой системы, „ошибочность“ нѣкоторыхъ ея положеній *). Но онъ считаетъ „безукоризненной“ ея *форму*,

---

тельный выводъ, или уже готовое ученіе, а только чрезвычайно ясную и отчетливую ступень, чрезъ которую долженъ пройти каждый, кто разсуждаетъ о душѣ“. Это разъясненіе чрезвычайно существенно.

*) Философскіе очерки, упом. статья, стр. 19—20.

Библиотека "Руниверс"

„устойчивымъ“ ея *духъ*, „неопровержимымъ“ ея *діалектическій методъ*, „неприкосновенною“ ея *сущность* *). А сущность ея, по Страхову, въ томъ, что она „даетъ ключъ къ пониманію всѣхъ другихъ системъ, совмѣщаетъ ихъ въ себѣ, что къ ней съ равнымъ правомъ можно примѣнить всевозможныя названія: она и *эмпиризмъ*, и *скептицизмъ*, и абсолютный *идеализмъ*, а главное—истинный *раціонализмъ*. Важно то, что „Гегель признаетъ *всю* философію, какая ни была,—что Гегель первый понялъ идею *развитія* и то, что всѣ философы стоятъ на общей неизмѣнной почвѣ“, что „какая угодно философія есть все-таки, по Гегелю, философія, и послѣдователь ея будетъ посвященъ въ тайны ума“ **).

Уже изъ этихъ цитатъ ясно, въ какой мѣрѣ Страховъ послѣдователь философіи Гегеля: онъ—послѣдователь гегелевскаго *діалектическаго* метода въ объясненіи дѣйствительности, причемъ вполнѣ раздѣляетъ основное положеніе Гегеля, что „нѣтъ никакой возможности различить *мыслимое* бытіе отъ бытія *дѣйствительнаго*, что приписывая предметамъ бытіе, мы приписываемъ имъ не что-нибудь воображаемое, а то, что дѣйствительно есть, что мысля бытіе вообще, мы *внѣ всякаго сомнѣнія, безъ всякой возможности ошибки*, мыслимъ нѣчто дѣйствительное, такъ что мысль и то, что не есть мысль, (т.-е. бытіе) — совпадаютъ, тожественны“ ***), что „нѣтъ дѣйствительности внѣ мысли“. „Всѣ попытки опровергнуть Гегелеву систему указываютъ на желаніе—выйти за предѣлы ума и, слѣдовательно, за предѣлы мышленія, основываются на различеніи между мышленіемъ и дѣйствительностью, между знаніемъ и бытіемъ, между субъектомъ и объектомъ“ ****), но именно потому-то онѣ и не имѣютъ подъ собою почвы.

Чтобы иллюстрировать истинное значеніе своего положенія о нерасторжимости мысли и бытія, разума и истины,

---

*) Тамъ же, стр. 15, 17, 19 и др.
**) Тамъ же, стр. 10—20.
***) Тамъ же, стр. 32.
****) Тамъ же, стр. 20.

Библиотека "Руниверс"

которое Страховъ беретъ у Гегеля, Н. Н. разсказываетъ басню о томъ, какъ солнцу донесли, что на землѣ не все благополучно, что во многихъ мѣстахъ и въ нѣкоторые часы дня и времена года темно: солнце пошло осматривать землю, и куда ни являлось, все оказывалось ярко освѣщеннымъ; тогда солнце не повѣрило доносу, успокоилось и стало свѣтить по-прежнему. „Точно такъ же стóитъ только разуму указать на что-либо «темное», и самый взглядъ разума будетъ уже озареніемъ этого темнаго. Разуму, какъ солнцу, не нужно измѣнять своего образа дѣйствія, потому что онъ не виноватъ, если темно тамъ, гдѣ его нѣтъ, или, еще лучше, куда онъ не глядитъ... Поэтому, что бы вы ни признавали внѣ разума,—какой-нибудь неразрѣшимый субстратъ, допредметный міръ, что-нибудь немыслимое, несказываемое,—это ни мало не касается до разума, не касается и до системы Гегеля. Вы признаете что-нибудь немыслимое, невыразимое,—вы имѣете полное право признавать, что вамъ угодно. Но если это — немыслимое, такъ не мыслите же о немъ; если это—несказываемое, то не говорите объ немъ“... *).

Изъ всей приведенной страховской характеристики значенія основаній философіи Гегеля ясно, что слѣдуетъ разумѣть подъ гегеліанствомъ, идеализмомъ и раціонализмомъ Страхова. Безусловное довѣріе къ абсолютному человѣческому разуму, могущему все познать **), къ истинѣ и силѣ идеи, какъ „единственнаго критерія существующаго“ и „двигателя истинно-человѣческой дѣятельности ***)“ — въ этомъ довѣріи и заключается гегелевскій раціонализмъ и абсолютный идеализмъ страховскаго міросозерцанія, источникъ вѣры въ философію, увѣренности его въ возможности ея дальнѣйшаго безконечнаго развитія въ „гегелев-

*) Тамъ же, стр. 20—21.

**) „Истина доступна человѣку во всемъ ея величіи, во всемъ сіяніи. Мы живемъ не половинною, но полною жизнію, мы—центръ и мѣра вселенной, во всемъ ея прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ“. Тамъ же, стр. 50.

***) См. критику „Очерковъ“ Лаврова въ Свѣточѣ, стр. 11.

Библиотека "Руниверс"

скомъ смыслѣ", критерій для признанія ея главенства надъ всѣми частными науками и для распознаванія въ ихъ частныхъ ученіяхъ истиннаго отъ ложнаго. „Частныя науки,— по убѣжденію Страхова,—не что иное, какъ часть самой философіи, какъ отдѣлъ ея, и, слѣдовательно, и философія должна имѣть на нихъ вліяніе, и сами науки при своей самостоятельности должны имѣть вліяніе на философію" *)... Такъ, наприм., „прямая и положительная польза отъ философіи для естественныхъ наукъ будетъ состоять именно въ разъясненіи тѣхъ понятій, которыя постоянно встрѣчаются въ этихъ наукахъ, въ уясненіи смысла ихъ *категорій*. Натуралисты постоянно употребляютъ слова: *сила*, *причина*, *атомъ*, *сходство*, *различіе* и пр.,—словомъ, употребляютъ множество „категорій", подъ которыя и подводятъ всѣ свои предметы; а между тѣмъ они и знать не хотятъ о логикѣ, хотя логика и есть именно наука объ этихъ самыхъ категоріяхъ. За то и слова эти сдѣлались у натуралистовъ пустыми словами, о которыхъ они сами не знаютъ, какъ и думать. Въ физикѣ и химіи вы встрѣчаете, наприм., фразу: сущность вещества неизвѣстна. А спросите: что же разумѣется подъ сущностью вещества?—Тоже неизвѣстно" **).

Теперь намъ станетъ понятно, въ чемъ Страховъ видѣлъ свое назначеніе какъ философа и какъ мыслителя-критика, почему и съ какой точки зрѣнія онъ писалъ „объ основныхъ понятіяхъ психологіи и философіи", о простыхъ тѣлахъ, объ атомистической теоріи,— почему онъ такъ нападалъ на дарвинизмъ, такъ увлекался логическою критикой его основаній въ извѣстномъ сочиненіи Н. Я. Данилевскаго, что̀ его заставляло такъ горячо защищать теорію Данилевскаго „о культурно-историческихъ типахъ" (Россія и Европа), теорію опять чисто-логическую и несомнѣнно имѣющую связь съ началами его философіи исторіи,—почему Страховъ съ такой энергіей нападалъ на *спиритизмъ*, какъ ученіе, противорѣчащее всему строю добытыхъ человѣческимъ опытомъ

*) Тамъ же, стр. 45.
**) Тамъ же, стр. 49.

Библиотека "Руниверс"

и наукою „понятій разума“ о природѣ и дѣйствительности,—почему, наконецъ, онъ не одобрялъ ни крайняго „матеріализма“, ни крайняго „спиритуализма“, такъ что матеріалисты ошибочно считали его спиритуалистомъ, а нѣкоторые спиритуалисты—тайнымъ матеріалистомъ, монисты—дуалистомъ, а дуалисты—монистомъ.

Мы намѣрены выяснить въ этой краткой и, конечно, далеко не полной характеристикѣ міросозерцанія Н. Н. Страхова именно еще этотъ основной пунктъ его положительныхъ воззрѣній, имѣющій существенное значеніе для всей его философіи, такъ какъ тутъ уже Страховъ мыслитъ не по Гегелю, а вполнѣ самостоятельно, сообразуясь только съ общими правилами *діалектическаго метода*, т.-е. метода строгой критики понятій. Вопросъ въ томъ: какъ смотрѣлъ Страховъ на отношеніе *понятій* „духа“ и „матеріи“, такъ какъ только объ отношеніи этихъ „понятій“ (а не сущностей внѣ понятій) для него и могла быть рѣчь?

Вопросъ этотъ очень интересный, но и чрезвычайно трудный, такъ какъ Страховъ высказывался о проблемѣ души всегда очень осторожно, какъ о такой трудной проблемѣ, которая далеко еще не вполнѣ разрѣшима для истинной науки. Тѣмъ не менѣе, мы, кажется, имѣемъ достаточный матеріалъ для освѣщенія взгляда нашего философа на означенный предметъ.

Прежде всего интересенъ вопросъ, считалъ ли себя Страховъ самъ „спиритуалистомъ“? Въ одномъ письмѣ къ намъ (отъ 11 апрѣля 1893 г.) онъ писалъ по поводу воззрѣній уже упомянутаго нами выше, нынѣ покойнаго, русскаго писателя: „Философскаго въ его статьяхъ я почти ничего не нахожу. Это какое-то изверженіе словъ, которыхъ у него полонъ ротъ; все имѣетъ видъ и полетъ философскаго разсужденія, но нѣтъ ни единаго строго поставленнаго понятія, никакого опредѣленнаго метода. Боже мой! мы такъ привыкли къ болтовнѣ *зря*, безъ обдумыванія и съ желаніемъ наговорить какъ можно больше. Онъ это недурно выдумалъ, что хочетъ быть *спи-*

Библиотека "Руниверс"

ритуалистомъ; тутъ можно разыгрывать варіаціи на самыя благонамѣренныя темы, — что вѣдь теперь и требуется. Но гдѣ же у него настоящая работа, т.-е. установленіе точнаго понятія о спиритуализмѣ? Такъ писать можно безъ конца и все-таки ничего не сказать".

Въ другомъ письмѣ (отъ 23 января 1894 г.) Н. Н. пишетъ намъ, по поводу нашей статьи «О значеніи идеи параллелизма въ психологіи»: «я еще не совсѣмъ понимаю вашу точку зрѣнія. *Матерія*, по-моему, есть только поприще духовныхъ явленій, ихъ поле, тѣ лѣса и лѣстницы, по которымъ *духъ* движется. Параллельность выходитъ такъ же, какъ ступени лѣстницы параллельны шагамъ поднимающагося или спускающагося человѣка. Ступени не только не производятъ этого движенія, но даже должны быть совершенно неподвижны".

Изъ сопоставленія этихъ двухъ заявленій ясно видно пока одно, что Н. Н. Страховъ не считалъ себя „спиритуалистомъ" въ обычномъ, шаблонномъ значеніи этого слова, но тѣмъ болѣе не былъ и „матеріалистомъ". — Въ „Предисловіи" ко второму изданію „Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи" (стр. XI—XII), Н. Н. говоритъ: „О душѣ часто мыслятъ такъ, что она есть нѣкоторое существо, заключенное внутри тѣла, какъ бы въ оболочкѣ, и что потомъ, въ минуту смерти, она покидаетъ тѣло, вылетаетъ изъ какого-то внутренняго мѣста тѣла. Для многихъ такое понятіе кажется несомнѣннымъ, и отрицаніе его они готовы принять за отрицаніе самаго существованія души. Между тѣмъ ясно, что здѣсь мы овеществляемъ душу, представляемъ ее себѣ въ видѣ какого-то тонкаго вещественнаго предмета и сообразно съ этимъ воображаемъ себѣ ея отношеніе. Она имѣетъ механическую отдѣльность отъ тѣла и механическое соединеніе съ нимъ. Но этою отдѣльностью мы вѣдь хотимъ только выразить, что душа *отлична* отъ тѣла, и выражаемъ это очень несовершенно. Точно такъ, представляя, что душа со всѣхъ сторонъ окружена тѣломъ, мы хотимъ выразить ея *связь* съ тѣломъ, и опять выражаемъ

Библиотека "Руниверс"

очень слабо. Итакъ, отрицая эти понятія, мы можемъ прійти къ лучшему пониманію души. Различіе между душою и тѣломъ гораздо глубже, чѣмъ полагается въ обыкновенныхъ представленіяхъ; оно состоитъ не во внѣшней отдѣльности, а въ *существенной противоположности*, которую намъ и слѣдуетъ изучать. Точно такъ и связь между душою и тѣломъ гораздо глубже, чѣмъ простое соприкосновеніе одного вещественнаго предмета съ другимъ, въ которомъ онъ заключенъ. Тѣло—не существо чуждое душѣ, въ которое она какъ бы насильственно вложена, а составляетъ нѣкоторое ея непрерывное созданіе или, какъ говорится, воплощеніе".

Конечно, въ этихъ воззрѣніяхъ Страхова на отношеніе души и тѣла отчасти слышится откликъ ученія Гегеля о „природѣ", какъ „идеѣ" *въ формѣ инобытія или отчужденія*, о „тѣлѣ" какъ формѣ „инобытія души", о „смерти"—какъ „возвращеніи идеи въ себя" изъ своего инобытія. Но способъ выраженія этихъ воззрѣній совершенно свободенъ отъ своеобразной гегелевской терминологіи и, вообще во всѣхъ писаніяхъ Страхова мы находимъ языкъ самый простой, общепонятный и общепринятый, чуждый условностямъ Гегелевскаго философскаго языка. Тѣ воззрѣнія, которыя мы только-что привели, по существу были свойственны всѣмъ идеалистамъ, начиная съ Платона и Аристотеля *). Но способъ ихъ выраженія, т.-е. *постановки понятій,* у Страхова совершенно оригинальный.

Чтобы выяснить полнѣе взгляды Страхова на отношеніе матеріальнаго и духовнаго въ мірѣ и въ человѣкѣ, мы приведемъ здѣсь рядъ весьма важныхъ заявленій и замѣчаній Страхова изъ его двухъ капитальныхъ сочиненій: «Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи» и изъ книги «О вѣчныхъ истинахъ (мой споръ о спиритизмѣ)».

Прежде всего чрезвычайно важно для міросозерцанія Н. Н., какъ онъ смотрѣлъ на отношеніе между собою *по-*

*) Душа, по Платону,—вмѣстилище идей, а по Аристотелю — творческое начало, principium formans тѣла.

Библиотека "Руниверс"

знанія міра духовнаго и *познанія* міра матеріальнаго и какъ рѣзко противуполагалъ то и другое.

Вотъ что онъ говоритъ по этому предмету въ «Основныхъ понятіяхъ психологіи»:

„Величайшую ошибку, по нашему мнѣнію, дѣлаютъ тѣ, которые ставятъ въ познаніи душу и тѣло на одну доску и говорятъ, напримѣръ, что сущность того и другого намъ одинаково неизвѣстна, что понятіе вещества такъ же трудно, какъ понятіе духа, или еще труднѣе, или что, признавая неизвѣстное намъ начало электричества, мы должны съ неменьшею ясностью и достовѣрностью признать и особое начало душевныхъ явленій и т. п. Послѣ Декарта, на основаніи его удивительнаго анализа, подобныя сопоставленія духовнаго и вещественнаго міра стали очень обыкновенны. Тотчасъ появились и существуютъ до сихъ поръ такъ-называемые *матеріалисты* и *спиритуалисты*. Первые стали утверждать и утверждаютъ до сихъ поръ, что существуетъ лишь объективный міръ, состоящій изъ мертваго Декартовскаго вещества; вторые же, что, сверхъ того, рядомъ съ этимъ вещественнымъ міромъ и въ немъ, внутри его, существуетъ міръ духовный, другой разрядъ существъ, имѣющихъ другія свойства,—напримѣръ, невидимыхъ, неосязаемыхъ, но проявляющихъ себя извѣстными дѣйствіями въ вещественномъ мірѣ и доступныхъ для внутренняго наблюденія, такъ что ихъ можно подводить подъ тѣ же общіе формы и законы мысли, какъ и вещественные предметы. Отсюда безконечные споры и усилія, въ которыхъ спиритуалисты старались обыкновенно или подвергнуть сомнѣнію твердость чисто-объективныхъ познаній, или доказать, что познанія о духовныхъ существахъ имѣютъ такую же прочность и ясность, какъ познанія о матеріальныхъ предметахъ“ (стр. 33—34).

„Для спиритуализма часто употребляется болѣе общее названіе *дуализма*, въ томъ смыслѣ, что этотъ взглядъ признаетъ два элемента въ мірѣ, два рода существъ. Точно такъ для матеріализма употребляется названіе *монизма*, такъ

Библиотека "Руниверс"

какъ тутъ признается одно начало, однородность всего существующаго. И не мало дѣлалось и дѣлается усилій понять эту однородность какъ возможно шире, придумать такую коренную первобытную сущность, которая совмѣщала бы въ себѣ духъ и вещество, такъ чтобы изъ этого монизма вытекалъ самъ собою дуализмъ“ (34 стр.).

Но всѣ эти попытки свести матеріальное и духовное къ извѣстной „однородности“ для Страхова не имѣютъ цѣны, и въ ученіи спиритовъ его возмущало, главнымъ образомъ, ихъ стремленіе овеществить духъ, доказать, что онъ есть своего рода „физическая сила“, могущая принимать матеріальныя формы (матеріализоваться) и совершать, вопреки всѣмъ извѣстнымъ физическимъ законамъ природы, различныя матеріальныя дѣйствія (стучать, писать и т. п.). „Вы считаете душу нѣкоторою физическою силой! Развѣ это не густѣйшій туманъ, какой только возможенъ?“, пишетъ онъ въ отвѣтѣ Бутлерову въ ноябрѣ 1885 г. *). „Вы спрашиваете меня, съ большою увѣренностью въ побѣдѣ: «считаю ли я духъ *силою?*»... Всякая физическая сила опредѣляется количествомъ вещества и размѣрами его движенія. Но вы, отвергая настоящее значеніе вещества, вѣроятно, принимаете (неправильно) существованіе силъ, независимыхъ отъ вещества, какихъ-то самостоятельныхъ причинъ движенія. Все равно, и въ томъ, и въ другомъ смыслѣ отвѣчаю вамъ, что не считаю духа *силою* и даже не нахожу *ничего общаго* между этими понятіями“.

„Конечно, вы признаёте,—пишетъ Страховъ далѣе,—что въ человѣкѣ присутствуетъ духъ. Если такъ, то вотъ вамъ опытъ, который доказываетъ, что духъ человѣческій не только не есть физическая сила, но и никакой доли физической силы не имѣетъ. Если живой человѣкъ оборвется съ вышины и будетъ падать, или если мы подбросимъ его вверхъ, прямо или наклонно, то, во всѣхъ этихъ случаяхъ, центръ тяжести его тѣла будетъ съ математическою точ-

*) См. „Вѣчныя истины“, стр. 125—126.

Библиотека "Руниверс"

ностью совершать тѣ самыя движенія, проходить тѣ самыя линіи и въ тѣ самыя времена, какъ и центръ тяжести падающаго или подброшеннаго камня. — Еслибы духъ былъ въ какой-нибудь долѣ *физическою силой*, то вотъ случай, гдѣ кстати было бы все напряженіе этой силы. Между тѣмъ, никакія духовныя напряженія не могутъ нисколько, ни на какую малѣйшую величину, измѣнить движенія человѣческаго тѣла въ этихъ случаяхъ, и оно непремѣнно разбивается съ ударомъ, пропорціональнымъ его вѣсу и паденію". „Духъ точно такъ же не можетъ быть силою въ физическомъ смыслѣ, какъ не можетъ онъ быть краснымъ или зеленымъ, треугольнымъ или квадратнымъ". „Духъ и физическая сила суть понятія несоизмѣримыя, не имѣющія ничего общаго" *).

Но если духъ и физическая сила, какъ основа вещества и его явленій, суть „понятія несоизмѣримыя", по мнѣнію Н. Н. Страхова, то что же такое духъ, что такое душа, съ его точки зрѣнія,—въ ихъ противоположности къ веществу и тѣлу? На этотъ вопросъ Н. Н. слѣдующимъ образомъ отвѣчаетъ въ своей книгѣ «Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи»:

„Вещество есть чистый объектъ, то-есть нѣчто вполнѣ познаваемое, но ни мало не познающее. Вещество не имѣетъ въ себѣ ничего субъективнаго, ни познаній, ни чувствъ, ни желаній. Въ немъ нѣтъ ничего внутренняго, для нашего познанія, а все въ немъ — наружное, познаваемое. Духъ, напротивъ, есть чистый субъектъ, то-есть, нѣчто познающее, но ни мало не доступное для объективнаго познанія. Духъ не имѣетъ въ себѣ ничего общедоступнаго, ничего внѣшняго, подлежащаго такому познанію, какъ объективный міръ; въ немъ все внутреннее, закрытое для *чужого* взгляда" (стр. 26).

Изъ такого противоположенія ясно, что для Страхова вещество со своими законами есть нѣчто несравненно бо-

*) «О вѣчныхъ истинахъ», стр. 125—127.

Библиотека "Руниверс"

лѣе доступное для человѣческаго познанія, нежели духъ. И дѣйствительно, въ той же книгѣ онъ говоритъ далѣе:

„Была нѣкоторая ошибка въ мысли о положеніи психическихъ явленій въ отношеніи къ познанію. Изъ того, что эти явленія для насъ всего несомнѣннѣе и достовѣрнѣе, вовсе не слѣдуетъ, что они всего доступнѣе для познанія и, даже, что они вообще для него доступны. Точно также, изъ того, что вещественный міръ можетъ быть подвергаемъ сомнѣнію, не слѣдуетъ, что онъ познается труднѣе или слабѣе, чѣмъ міръ субъективный. Напротивъ того, очевидно, объективный міръ есть настоящій предметъ нашего познанія, настоящій нашъ объектъ, къ которому свободно и правильно могутъ быть приложены всѣ наши познавательные способы и силы, тогда какъ субъективный міръ ускользаетъ отъ простыхъ пріемовъ познанія, и требуетъ какихъ-то обратныхъ пріемовъ и особенныхъ усилій, необычайной постановки нашей мысли. А priori нѣтъ никакого основанія полагать, что эти два міра составляютъ *одинаковый* предметъ для познанія; а если они имѣютъ къ познанію различное отношеніе, то слѣдуетъ ясно и отчетливо указать это различіе и твердо его держаться“ (стр. 32—33).

Разбирая ближе вопросъ о томъ, *какъ* слѣдуетъ познавать міръ духовный, Страховъ говоритъ:

„Въ сравненіи со свѣтлымъ міромъ вещественной природы душа есть область темная и таинственная, которая едва ли допускаетъ для изслѣдованія тѣ же самые пріемы. Мы убѣдимся въ этомъ вполнѣ, если приступимъ къ субъективному міру ближе и попробуемъ стать къ нему лицомъ къ лицу“ (стр. 36).

Признавая, что „въ физическихъ наукахъ понятія, подъ которыя слѣдуетъ подводить изучаемыя явленія, заранѣе даны“ (это—понятія математическія, формы и законы пространства и времени, и понятія механическія), Страховъ указываетъ на то, что въ психологіи, напротивъ, требуется *намъ самимъ* установить и опредѣлить „категоріи“, необходимыя для пониманія душевныхъ явленій (тамъ же, стр. 37).

Библиотека "Руниверс"

„Если мы не имѣемъ въ запасѣ цѣлой готовой метафизики или такъ-называемой онтологіи, если мы прямо начинаемъ съ изученія психическихъ явленій (какъ это очень обыкновенно и естественно дѣлается, какъ сдѣлалъ Декартъ), если мы, напротивъ, отъ этого изученія думаемъ подняться до нѣкоторой метафизики, то мы, очевидно, должны заранѣе быть готовы къ тому, что намъ не достанетъ нашихъ обыкновенныхъ понятій, что мы вынуждены будемъ устанавливать *новыя категоріи* и переходить отъ одной изъ нихъ къ другой, пока не исчерпаемъ всей изслѣдуемой области. А такъ какъ нѣтъ ничего труднѣе, какъ мыслить дѣйствительно новое понятіе, и нѣтъ большаго соблазна для ума, какъ подведеніе новыхъ явленій подъ старыя, давно знакомыя понятія, то тутъ мы беремся за дѣло трудное и небезопасное" (стр. 38).

Основой изученія душевныхъ явленій служитъ для Страхова, конечно, *внутреннее наблюденіе*. И вотъ какъ онъ изображаетъ характеръ и значеніе этого процесса:

„Міръ души, какъ мы сказали, есть міръ темный и таинственный. Для того, чтобы наблюдать его, чтобъ устремить свой взоръ внутрь себя (какъ обыкновенно выражаются), мы, очевидно, должны сдѣлать усиліе, дать нашимъ мыслямъ непривычный ходъ, обратный ихъ обыкновенному ходу, и понятно, что не можемъ видѣть въ этомъ случаѣ такъ же ясно, какъ при обыкновенномъ порядкѣ нашего познанія" (стр. 39).

Сдѣлавъ далѣе длинную выдержку изъ „Meditationes" Декарта, гдѣ Декартъ изображаетъ условія уединенія себя отъ внѣшняго міра для цѣлей внутренняго наблюденія, Страховъ продолжаетъ:

„Вотъ описаніе такъ-называемаго внутренняго наблюденія и тѣхъ результатовъ, къ которымъ оно приводитъ. Главное здѣсь заключается не въ стараніи закрыть себя отъ внѣшняго міра, а въ томъ особенномъ поворотѣ мысли, который Декартъ выражаетъ словами: «*Буду считать всѣ образы вещественныхъ предметовъ пустыми и ложными, буду смотрѣть на*

Библиотека "Руниверс"

свои ощущенія и образы только какъ на виды своего мышленія». Очевидно, я могу и долженъ умѣть это сдѣлать, и не закрывая глазъ и не затыкая ушей. Для меня, на этой точкѣ моего разсужденія, нѣтъ никакой разницы между *ощущеніями*, происходящими въ присутствіи внѣшнихъ предметовъ, и такъ-называемыми идеями или *представленіями*, то-есть образами, которые я могу имѣть при отсутствіи соотвѣтствующихъ имъ предметовъ" (стр. 40).

Подводя далѣе итоги своему анализу внутренняго наблюденія и объективированія психическихъ явленій, а также анализу основныхъ категорій психологическаго познанія, Страховъ высказываетъ, въ заключеніи, слѣдующія мысли:

„Жизнь души есть для насъ непосредственнѣйшая дѣйствительность, какъ о томъ училъ и Декартъ. Метафизики стремятся объективировать душу; они разсматриваютъ ее какъ нѣкоторое существо, которому свойственны познаніе, чувство и воля, и потому предлагаютъ вопросъ: есть ли какой-нибудь смыслъ въ этихъ дѣятельностяхъ души? Но для того, кто станетъ на точку зрѣнія психологіи, сущность душевной жизни заключается именно въ познаніи, чувствѣ и волѣ, такъ что еслибъ мы стали отрицать ихъ реальность, то не о чемъ было бы намъ и говоритъ" (стр 86).

„Что касается до психологіи, то различіе между субъектомъ и объектомъ и, далѣе, различіе между субъективнымъ и реальнымъ значеніемъ явленій, суть главныя черты ея предмета, и кто не понялъ этого различія, какъ слѣдуетъ, тотъ, сколько бы ни разсуждалъ, будетъ мыслить и говорить лишь о вещахъ, касающихся души, но не о самой душѣ" (стр. 87).

Однако, этими словами Страховъ не хочетъ сказать, что „явленіями" познанія, чувства и воли (въ чисто-эмпирическомъ смыслѣ), исчерпывается сущность нашего духовнаго *я*, нашей *души*.

„*Я*,—говоритъ онъ,—не только не входитъ въ область эмпирической психологіи, но составляетъ то неизбѣжное условіе, подъ которымъ намъ дается эта область" (стр. 70).

Библиотека "Руниверс"

Какъ же подойти къ пониманію особенной природы нашего духовнаго *я?* Вотъ своеобразный, такъ сказать, *этико-психологической* методъ, который онъ рекомендуетъ въ этомъ случаѣ:

„Душевная жизнь,—говоритъ онъ,—подобно свѣту, можетъ имѣть безчисленныя степени, отъ яркаго солнечнаго сіянія до сумерекъ, граничащихъ съ тьмою. Истинная ея природа обнаруживается, конечно, *при полномъ ея раскрытіи* — слѣдовательно, въ *человѣкѣ*,—и въ тѣ минуты *полной душевной энергіи,* которыя иногда испытываетъ человѣкъ. Разсматривая эту полную душевную жизнь, мы видимъ, что признаніе *истины, блага и свободы*, то-есть признаніе за нашею душевною жизнью *реальнаго значенія, дѣйствительнаго содержанія*, составляетъ то необходимое условіе, при которомъ только и можемъ мы жить, безъ котораго мы видимъ передъ собою пустоту, ничтожество и безсмысліе. Поэтому можно, кажется, начинать психологію прямо *съ этихъ понятій, которыхъ ни откуда нельзя вывести и безъ которыхъ нельзя имѣть представленія о душѣ и ея жизни.* Установивъ эти понятія, можно затѣмъ дѣлать постепенныя отвлеченія. Напримѣръ, анализируя истину, благо и свободу, мы найдемъ, что тутъ вездѣ предполагается *нѣкоторый субъектъ, наше я,* для котораго только и могутъ существовать и истина, и благо, и свобода“ (стр. 84—85) *).

Но „истина, благо и свободная дѣятельность суть понятія, стоящія выше обыкновенныхъ формъ познанія, требующія какъ бы особаго рода мышленія, и въ то же время непрестанно намъ присущія, составляющія главное содержаніе нашей душевной жизни“ (стр. 84).

При такомъ взглядѣ на методъ познанія духовнаго міра и сущности душевной жизни, не удивительно, если Страховъ такъ негодуетъ противъ попытокъ спиритовъ „поймать душу руками“. Во „вступленіи“ къ книжкѣ «О вѣчныхъ истинахъ», сопоставляя ученіе спиритовъ съ настоящимъ идеализмомъ, Страховъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе:

*) Курсивы въ этомъ отрывкѣ *наши.*

Библиотека "Руниверс"

„Платонъ поднялся въ болѣе высокую сферу ума, а ученые спириты, наоборотъ, совлекли самый міръ идей въ свою низменную сферу, пытались овеществить духовное, поймать его руками или инструментами. Эту жестокую грубость понятій они выдавали за величайшую мудрость и видѣли въ ней свое спасеніе“ (стр. XXVIII).

Но если для Н. Н. Страхова, какъ истиннаго идеалиста, легко было провести опредѣленную и отчетливую грань между міромъ духовнымъ и матеріальнымъ, какъ предметами познанія,—между *понятіями* о духовныхъ и матеріальныхъ явленіяхъ и ихъ законахъ, то именно съ этой идеалистической точки зрѣнія ему не легко было отвѣтить на другой вопросъ—о томъ, что же такое духъ, какъ *реальность*, какъ *бытіе* въ мірѣ дѣйствительномъ, помимо *идей* о немъ. А между тѣмъ, несмотря на свое гегеліанство, несмотря на признаніе тожества идеи и бытія, Страховъ сознавалъ необходимость такъ или иначе разрѣшить этотъ вопросъ. По этому поводу онъ высказываетъ нѣсколько любопытныхъ мыслей въ своемъ спорѣ съ Бутлеровымъ:

„Вы спрашиваете или готовы спросить: *какъ же существуетъ въ мірѣ духовное?* Если оно не проявляется въ спиритическихъ чудесахъ, то гдѣ же и какъ оно дѣйствительно проявляется? Странные вопросы! Все, что имѣетъ для насъ высокую цѣну, все истинное, прекрасное, великое, существенное, всегда кажется намъ далеко отъ насъ. Мы вѣчно думаемъ, что оно скрыто отъ насъ на недоступныхъ высотахъ и глубинахъ, что оно существуетъ за дальними морями, во тьмѣ давно минувшихъ временъ, или же въ особыхъ избранныхъ людяхъ, въ таинственныхъ и непонятныхъ явленіяхъ, нисколько не похожихъ на тѣ простыя и регулярныя явленія, среди которыхъ мы проводимъ нашу будничную и пошлую жизнь. Между тѣмъ, и истина, и духъ, и всякое высшее благо—все это доступно каждому, всегда и вездѣ; все это близко къ намъ, все это было бы прямо передъ нашими глазами, если бы мы упорно не отворачивались и сами не создавали себѣ того густого тумана, кото-

Библиотека "Руниверс"

рый закрываетъ отъ насъ свѣтъ... Можетъ-быть, я скоро вернусь къ этой темѣ: какъ существуетъ въ мірѣ духовное?" (О вѣчныхъ ист., стр. 81).

Возвращаясь къ тому же вопросу въ другомъ письмѣ къ Бутлерову, онъ говоритъ:

„Вы съ настойчивостью и съ недоумѣніемъ спрашиваете меня: какъ же существуетъ въ мірѣ духовное? Вполнѣ ясно, вполнѣ очевидно то, по крайней мѣрѣ, что оно существуетъ не такъ, какъ вы себѣ его представляете. Спиритизмъ, со всѣми его попытками вообразить духовное и поймать его въ дѣйствительности, есть превосходный и поразительный примѣръ того, какъ не слѣдуетъ понимать духовное" (тамъ же, стр. 127).

Положительнаго и окончательнаго отвѣта на вопросъ: „какъ существуетъ въ мірѣ духовное?"—Н. Н. Страхову такъ и не удалось дать; но кто же до сихъ поръ разрѣшилъ эту проблему строго научно, какъ этого желалъ Страховъ? Поставлена же она имъ совершенно отчетливо: „Нужно найти силу въ полномъ смыслѣ живую, т.-е. внутреннюю, не механическую; нужно открыть ея законъ, не математическій, но служащій основой всѣмъ математическимъ законамъ" (Міръ какъ цѣлое, стр. 474).

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Страховъ совершенно справедливо говоритъ, что „съ успѣхами естественныхъ наукъ мы все больше и больше узнаемъ (не столько то, что такое духъ есть, сколько то), что такое духъ *не есть*, и если взглянуть на дѣло съ этой стороны, то нельзя не видѣть, какой это громадный и существенный успѣхъ. Вѣдь *кто* себя стремится такъ рѣзко отличить отъ остального бытія?—Конечно, *духъ*. Кто снимаетъ съ себя оболочку за оболочкою, кто устанавливаетъ и отрицаетъ отъ себя понятія механики и физики, кто проносится по всѣмъ небесамъ и не находитъ себѣ подобія въ ихъ однообразіи и мертвомъ механизмѣ?—Конечно, *духъ*. Иногда мы готовы жаловаться, что передъ взоромъ науки все мертвѣетъ, всюду являются неизмѣнныя стихіи и неизмѣнные законы. Но вѣдь все это есть прямая

Библиотека "Руниверс"

работа духа, и смыслъ ея въ томъ, что онъ не хочетъ признавать живымъ то, что не заслуживаетъ этого названія, что онъ истинную жизнь признаетъ только *за собою*. Познаніе есть, въ извѣстномъ смыслѣ, отрицаніе, пониженіе, удаленіе отъ себя того, что познается. Познаніе есть дѣятельность духа; но мы не замѣчаемъ, что тутъ совершается нѣчто духовное; мы такъ погружаемся въ созерцаемые предметы, что забываемъ о своемъ зрѣніи, о свѣтѣ и глазѣ, и часто упорно думаемъ, что даже никакого свѣта и глаза не существуетъ?" (Вѣчныя истины, стр. 127—128).

Къ вопросу объ отношеніи души и тѣла, какъ реальныхъ началъ, съ точки зрѣнія нашего философа, относятся, несомнѣнно, слѣдующія его слова въ книгѣ «Объ основныхъ понятіяхъ»: „Вотъ почему мы говоримъ, что душа наша заключена въ нашемъ тѣлѣ, или окружена имъ, какъ оболочкой. Это значитъ, что тѣло есть та часть объективнаго міра, которая въ своихъ явленіяхъ постоянно отражаетъ явленія нашей души и помимо которой душа ничего не можетъ выразить и не можетъ воспринять никакого чужого выраженія. Только въ такомъ смыслѣ нужно разумѣть связь души и тѣла. То-есть, вслѣдствіе этой неизмѣнной связи ни тѣло не становится субъективнымъ, ни душа не получаетъ объективности; эти два міра остаются строго разграниченными; но одинъ служитъ для выраженія другого, подобно тому, какъ буквы выражаютъ звуки и звуки выражаютъ мысли" (стр. 29).

Изъ сдѣланнаго нами очерка воззрѣній Страхова на отношенія духа и вещества, души и тѣла, съ достаточной ясностью вытекаетъ, что воззрѣнія эти были совершенно оригинальными и самостоятельными, и что подвести ихъ подъ какую-либо изъ извѣстныхъ схемъ философскихъ ученій объ этомъ предметѣ едва ли возможно. Страховъ былъ, несомнѣнно, *идеалистомъ*, но совершенно своеобразнаго вида. Въ анализѣ его взглядовъ на отношенія духа и вещества это сказывается особенно ярко. Онъ не отрицаетъ реальности веще-

Библиотека "Руниверс"

ства и даже объективности пространства и времени, какъ формъ его существованія (это видно изъ другихъ мѣстъ его сочиненій), но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ высшую реальность за идеальнымъ, духовнымъ началомъ. Отсюда его глубокое сочувствіе къ ученіямъ Платона, Декарта и Гегеля. Но въ вопросѣ о томъ, можно ли уяснить себѣ, какъ въ дѣйствительности существуетъ духъ и что такое идея, какъ бытіе, Н. Н. является почти скептикомъ—мыслителемъ, наклоннымъ къ нѣкоторому особому, если такъ можно выразиться, *раціональному мистицизму*,—къ признанію, что въ этой высшей области знанія мы стоимъ лицомъ къ лицу съ нѣкоторою тайной, съ непостижимымъ. Поэтому онъ неоднократно говоритъ о границахъ „раціонализма", о невозможности провести его до конца, о предѣлахъ самой науки, и по этой же причинѣ Н. Н. Страховъ не только вполнѣ вѣруетъ въ Высшее начало, въ Бога, но даже остается христіаниномъ, сочувствующимъ православію—не въ узкомъ значеніи „церковника-ритуалиста", а въ самомъ широкомъ философскомъ смыслѣ, въ которомъ многіе крупные мыслители и философы считали себя христіанами и признавали особый смыслъ за тѣмъ вѣроисповѣданіемъ, которое стало для нихъ „національною формою" религіознаго богопочитанія.

О предѣлахъ науки и научнаго раціонализма Страховъ говоритъ неоднократно. Вотъ какъ онъ разсуждаетъ въ сочиненіи «О вѣчныхъ истинахъ» относительно предѣловъ науки *спеціальной*:

„Наука есть дѣло великое, хотя и не наилучшее и не наивысшее изъ человѣческихъ дѣлъ. Но та наука вообще, на которую такъ любятъ ссылаться, есть истинный идолъ, фантастическое понятіе ученыхъ. Каждый спеціалистъ—математикъ, физикъ, физіологъ—думаетъ, что имѣетъ право говорить во имя науки, тогда какъ наукою вообще могла и можетъ быть, стремилась и стремится стать только философія, о которой такіе спеціалисты обыкновенно и слышать не хотятъ. Философія рѣшаетъ вопросы о границахъ и свойствахъ познанія, она старается указать точную мѣру его

Библиотека "Руниверс"

авторитета, тогда какъ спеціалистъ, поклоняющійся своему кумиру, обыкновенно приписываетъ ему безпредѣльное могущество“ (тамъ же, стр. XXVIII).

Но не только спеціальная наука, а и *вообще наука* далеко не исчерпываетъ всѣхъ нашихъ духовныхъ потребностей:

„Наука не объемлетъ того, что для насъ всего важнѣе, всего существеннѣе,—не объемлетъ жизни. Внѣ науки находится главная сторона нашего бытія—то, что составляетъ нашу судьбу, то, что мы называемъ Богомъ, совѣстью, нашимъ счастіемъ и достоинствомъ. Все это не гдѣ-нибудь далеко отъ насъ, не за предѣлами звѣздъ, а все это вокругъ насъ, прямо передъ нами, во всемъ этомъ мы движемся и существуемъ, какъ въ прямой стихіи нашей жизни. Поэтому не только созерцаніе этихъ предметовъ въ дѣйствительности, не только высокія отраженія ихъ у великихъ мыслителей и художниковъ, а даже иной плохой романъ, иная грубо придуманная сказка могутъ заключать въ себѣ болѣе общедоступный и сильный интересъ, чѣмъ превосходнѣйшій курсъ физики или химіи. Каждый изъ насъ—не простое колесо въ огромной машинѣ; каждый, главнымъ образомъ, есть герой той комедіи или трагедіи, которая называется его жизнью“ (тамъ же, стр. 54—55).

Про попытки достигнуть *чисто раціональнаго, научнаго* объясненія всего существующаго Страховъ въ другомъ мѣстѣ книги выражается такъ:

„Если мы чувствуемъ недовольство этимъ взглядомъ, если онъ въ насъ что-то затрогиваетъ и чему-то противорѣчитъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что источникъ такого разногласія заключается не въ умѣ, а въ какихъ-нибудь *другихъ требованіяхъ души человѣческой.* Человѣкъ постоянно почему-то *враждуетъ противъ раціонализма,* и эта вражда упорно ведется всѣми, спиритуалистами и матеріалистами, вѣрующими и скептиками, философами и натуралистами. Отдать себѣ отчетъ въ этой враждѣ есть величайшая задача мысли“ (стр. V—IX).

А вотъ какія мысли высказываетъ Страховъ о предста-

Библиотека "Руниверс"

вителяхъ науки, *ученыхъ*,—о спеціалистахъ точнаго знанія и объ ученыхъ вообще, стремящихся достигнуть вполнѣ раціональнаго міропониманія:

„Они думаютъ, что могутъ все познать и что все подлежитъ ихъ изслѣдованію, тѣмъ самымъ пріемамъ изысканія, какіе приняты въ естественныхъ наукахъ. Другого познанія, кромѣ научнаго, они не допускаютъ, а научнымъ считаютъ только то, что дознано естественно-научными пріемами. Если имъ говорятъ, что есть области вѣдѣнія, дающія болѣе важныя и существенныя понятія, чѣмъ естественныя науки, они отвѣчаютъ, что наука одна и другой быть не можетъ“ (стр. 53).

„Ученые, такъ называемые жрецы науки, не имѣютъ права на какой-нибудь особенный, высшій авторитетъ. Наука не есть еще мудрость, и, вообще говоря, ученые нисколько не мудрѣе, чѣмъ остальные смертные. Они суть такіе же люди, какъ и всѣ мы; они точно также подвержены слабостямъ, ошибкамъ, заблужденіямъ и предразсудкамъ. Конечно, занятія науками способствуютъ облагороженію характера и изощренію ума; но, съ другой стороны, при этихъ занятіяхъ, какъ при всякой трудной и выходящей изъ ряду дѣятельности, люди часто становятся въ фальшивое положеніе. Притязанія ученыхъ обыкновенно выше ихъ силъ, а предразсудки тѣмъ упорнѣе, чѣмъ выше притязанія. Каждая спеціальность ограничиваетъ кругозоръ человѣка и внушаетъ ему особыя предубѣжденія, такъ что едва ли не легче представить себѣ простого человѣка безъ предразсудковъ, чѣмъ ученаго“ (тамъ же, стр. 9—10).

Въ сочиненіи своемъ „Міръ какъ цѣлое“ Н. Н. пытается установить самыя общія начала своего собственнаго міропониманія и подробно развиваетъ свои философскіе взгляды на природу. Здѣсь онъ также энергически протестуетъ противъ узкаго и односторонняго научнаго эмпиризма и раціонализма и ясно устанавливаетъ свой методъ философствованія:

„Эмпиризмъ, говоритъ онъ,—отрицаніе умозрѣнія — вотъ

Библиотека "Руниверс"

разгадка всякихъ остановокъ и ненормальныхъ развитій (въ судьбѣ науки). Нашъ вѣкъ хочетъ познавать, но упорно отказывается мыслить, какъ будто боясь, что мышленіе разрушитъ начала, на которыхъ онъ строитъ свою жизнь, и возложитъ на него слишкомъ трудныя задачи и обязанности. Все значеніе моей книги состоитъ въ томъ, что она идетъ противъ эмпиризма, пытается вносить мышленіе въ пріемы изученія природы.

„Я желаю стоять за одно въ моей книгѣ: за философскій методъ *ставить и развивать понятія.* Въ этомъ методѣ вся тайна умозрѣнія. Чѣмъ кто способнѣе имъ владѣть, тѣмъ больше онъ заслуживаетъ имени человѣка философствующаго. Чѣмъ точнѣе и правильнѣе этотъ методъ прилагается, тѣмъ несомнѣннѣе озаряется всякій предметъ изслѣдованія“ (стр. XIX).

Выражая въ общихъ положеніяхъ свое философское міропониманіе, Страховъ опредѣляетъ понятіе „міра“ слѣдующими признаками:

„*Міръ есть цѣлое*, то-есть онъ связанъ во всѣхъ направленіяхъ, въ какихъ только можетъ его разсматривать нашъ умъ.—*Міръ есть единое цѣлое,* то-есть онъ не распадается на двѣ, на три, или, вообще, на нѣсколько сущностей, связанныхъ независимо отъ ихъ собственныхъ свойствъ. Такое единство міра можно получить не иначе, какъ одухотворивъ природу, признавъ, что истинная сущность вещей состоитъ въ различныхъ степеняхъ воплощающагося духа. *Міръ есть связное цѣлое*, то-есть всѣ его части и явленія находятся во взаимной зависимости. Въ немъ нѣтъ ничего самобытнаго, никакихъ особыхъ началъ, никакихъ простыхъ тѣлъ, никакихъ атомовъ; нѣтъ самостоятельныхъ, отъ вѣка различныхъ силъ, нѣтъ ничего неизмѣннаго, само по себѣ существующаго. Все въ зависимости и все течетъ, какъ говорилъ еще Гераклитъ. *Міръ есть стройное цѣлое*, или—какъ говорятъ,— гармоническое, органическое цѣлое. То-есть части и явленія міра не просто связаны, а соподчинены, представляютъ правильную лѣстницу, пирамиду, всего лучше

Библиотека "Руниверс"

сказать—iерархiю существъ и явленiй. Мiръ, какъ организмъ, имѣетъ части менѣе важныя и болѣе важныя, высшiя и низшiя: и отношенiе между этими частями таково, что онѣ представляютъ гармонiю, служатъ однѣ для другихъ, образуютъ одно цѣлое, въ которомъ нѣтъ ничего ни лишняго, ни безполезнаго. *Мiръ есть цѣлое, имѣющее центръ*, именно онъ есть сфера, средоточiе которой составляетъ человѣкъ. Человѣкъ есть вершина природы, узелъ бытiя. Въ немъ заключается величайшая загадка и величайшее чудо мiрозданiя. Онъ занимаетъ центральное мѣсто по всѣмъ направленiямъ связей, соединяющихъ мiръ въ одно цѣлое; онъ есть главная сущность, главное явленiе и главный органъ мiра" (стр. VII—VIII).

Этотъ своеобразный съ научной точки зрѣнiя, но неизбѣжный при гегелевской традицiи взглядъ на человѣка—какъ на центръ реальнаго мiра, Страховъ оправдываетъ въ своей книгѣ подробно и до извѣстной степени убѣдительно:

„Рѣдко кто хочетъ признать *центральное* положенiе человѣка" (стр. X) говоритъ онъ.

„Между тѣмъ, когда и гдѣ было найдено въ природѣ существо или явленiе болѣе *загадочное*, болѣе *высокое*, болѣе *таинственное*, болѣе *сложное*, чѣмъ человѣкъ? Не составляютъ ли явныхъ мечтанiй всѣ попытки отыскать въ мiрѣ (т.-е. въ природѣ внѣ человѣка) тайныя силы, ирращiональныя явленiя,—попытки, которыя тянутся черезъ всю исторiю человѣчества? Солнце со своими огненными дождями и изверженiями,—которыя когда-то воспѣвалъ Ломоносовъ,—не есть ли *простѣйшая вещь* въ сравненiи съ тѣмъ, что совершается въ человѣкѣ?

„Дѣйствительно, мiръ вовсе не такъ великолѣпенъ и дивенъ, чтобы человѣкъ не могъ считаться его центромъ. Всѣ открытiя, всѣ изслѣдованiя только упрощаютъ наше понятiе о мiрѣ, снимаютъ съ него фантастическiя краски, а никакъ не увеличиваютъ того разнообразiя и той загадочности, которую мы такъ охотно желали бы перенести съ себя на внѣшнiе предметы. Человѣкъ — *вотъ величайшая загадка, узелъ мiрозданiя*" (стр. X—XI).

Библиотека "Руниверс"

Развивая эту мысль подробнѣе, Страховъ старается доказать фактами (анализомъ органовъ чувствъ, мышленія человѣка и проч.), что организація человѣка такъ совершенна и полна, что нельзя себѣ представить, чтобы на другихъ планетахъ жили обитатели съ болѣе совершенной организаціей *). И само собою понятно, что Страховъ во взглядѣ на природу, и особенно на органическій міръ и на устройство человѣка, является *телеологомъ*, вѣрящимъ въ высшую идейную *цѣлесообразность* всего устройства и развитія міра, и въ особенности организмовъ. Съ этой точки зрѣнія онъ и враждуетъ такъ упорно противъ ученія Дарвина и его послѣдователей,—противъ воззрѣнія, что цѣлесообразность въ природѣ есть продуктъ *случайнаго* равновѣсія борющихся силъ. Про устройство организмовъ, въ которыхъ каждая часть приспособлена къ задачамъ цѣлаго, онъ говоритъ:

„Для дарвиниста это — случайная цѣлесообразность, не имѣющая отношенія къ внутреннему развитію организма; истинный же телеологъ видитъ здѣсь то, какъ организмъ стремится осуществить свою общую цѣль, видитъ отвѣтъ самостроющагося существа на внѣшнія возбужденія и обстоятельства. Такимъ образомъ, изученіе цѣлесообразностей становится изученіемъ органическаго творчества, ведетъ насъ къ пониманію его средствъ, законовъ и сущности“ (стр. XVII).

Попытка свести все существованіе міра къ механическимъ законамъ и видѣть во всѣхъ явленіяхъ міра простое осуществленіе законовъ сохраненія вещества и сохраненія энергіи возмущаетъ Страхова своей односторонностью. Въ

*) Съ этой точки зрѣнія, для Страхова нѣтъ никакого противорѣчія въ томъ, что человѣкъ есть не только духовное существо, но и высшее мыслимое животное: „на дѣлѣ оказывается, что не только животность не противорѣчитъ духовности, но даже что для духа необходима самая высшая степень животности. Человѣкъ есть совершеннѣйшее животное не потому, что въ немъ проявляется духъ, который подавляетъ животныя свойства,—нѣтъ, человѣкъ, и просто какъ животное, представляетъ намъ осуществленіе высочайшаго развитія животности“ (стр. 19).

Библиотека "Руниверс"

статьѣ «О законѣ сохраненія энергіи», напечатанной въ нашемъ журналѣ и перепечатанной во второмъ изданіи «Міръ какъ цѣлое», Н. Н. говоритъ, между прочимъ:

„Знаніе закона энергіи безмѣрно увеличиваетъ нашу возможность распоряжаться вещественными явленіями. Но чѣмъ выше значеніе этого закона въ указанныхъ областяхъ, тѣмъ меньше онъ отвѣчаетъ на наши другіе запросы. Онъ какъ будто вовсе не подвигаетъ насъ въ дѣйствительномъ познаніи природы, въ постиженіи того бытія, съ которымъ мы связаны всѣмъ существомъ своимъ. Разнообразіе явленій и существъ міра, ихъ гармоническое соотношеніе, ихъ различная существенность и правильная іерархія—все это ничуть не проясняется. Напротивъ, законъ энергіи указываетъ въ природѣ нѣкоторую черту однообразія, сглаживаетъ всякія различія, утверждаетъ единое правило, которому въ извѣстномъ отношеніи неизбѣжно подчинены *всѣ вещественныя* явленія" (стр. 580—581).

Гдѣ же искать высшей разгадки мірового бытія, источника объясненія міровой гармоніи, цѣлесообразности организмовъ, смысла человѣческой жизни? На это Страховъ отвѣчаетъ совершенно опредѣленно:

„Хотя бы мы и не стали приписывать Богу всякое наблюдаемое разнообразіе вещей, однако же дѣйствительное познаніе, удовлетворяющее всѣмъ нашимъ запросамъ, должно исходить изъ этого разнообразія и необходимо приведетъ насъ къ Богу, укажетъ, что только въ Немъ содержится смыслъ всякаго бытія" (Міръ какъ Цѣлое, стр. 582).

„Понятіе о Богѣ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ книги,—есть понятіе по преимуществу, т.-е. менѣе, чѣмъ что-либо другое, доступно представленію. По самому обыкновенному пониманію отъ Бога все зависитъ, все отъ Него происходитъ, Онъ есть начало и смыслъ всего существующаго. Слѣдовательно, для мышленія Онъ представляетъ глубочайшую глубину, *крайнюю точку, до которой оно можетъ достигнуть.* Матеріалистическое мышленіе, слѣдуя своему обыкновенному ходу, стремится представить себѣ

Библиотека "Руниверс"

Бога, и потому впадаетъ въ неисчислимыя затрудненія“ (стр. 475).

„Такъ какъ понятіе о Богѣ есть центральное понятіе, на которое мы сводимъ всѣ другія, такъ какъ міръ вполнѣ опредѣляется творческою волей Бога, то всѣ вопросы сводятся на то, чтобы понять, какъ вещи зависятъ отъ Бога. Въ сравненіи съ этимъ—считать субстанціи по пальцамъ есть дѣло пустое. Множество субстанцій есть прямой признакъ слабаго познанія, потому что мышленіе, какъ я уже сказалъ, есть сведеніе многаго на одно“ (стр. 244).

Интересно сопоставить съ изложенными *теоретическими* воззрѣніями Страхова на міръ и его устройство, на мѣсто, которое занимаетъ въ немъ человѣкъ, и на роль Бога въ мірѣ,—практическіе взгляды нашего мыслителя на жизнь человѣческую и ея значеніе. Вотъ его мысли по этому предмету:

„Жизнь есть не только самоудовлетвореніе, но и саморазрушеніе, самонедовольство“ (стр. 186).

„Пока есть задача, которая не рѣшена, пока есть замыселъ, который не исполненъ, пока есть цѣль, которая не достигнута,—до тѣхъ поръ возможна дѣятельность. И, слѣдовательно, муки души побуждаютъ насъ впередъ, къ неразгаданному и несовершонному. Онѣ суть муки рожденія. То новое, что приходитъ въ міръ,—таинственное будущее, которое наступаетъ, — оно приходитъ не помимо насъ, мы сами его раждаемъ“ (стр. 188).

„Жизнь часто бываетъ комедіею, но въ сущности она— глубочайшая драма. Мы не сочиняемъ этой драмы, но сами въ ней дѣйствуемъ, сами поглощены ея завязкою. Эта драма потеряла бы для насъ всю свою цѣну, еслибы развязка зависѣла отъ нашего произвола, или еслибы мы ее знали напередъ. Жизнь есть дѣйствительное обновленіе, *дѣйствительная загадка*, и потому великая черта ея открывается въ томъ, что какъ неизвѣстно будущее, такъ и совершенно неизвѣстно, что выходитъ изъ жизни каждаго изъ насъ“ (стр. 188—189).

Библиотека "Руниверс"

При такомъ взглядѣ на жизнь человѣческую, вынесенномъ изъ житейскаго опыта, а не изъ одного только теоретическаго размышленія, едва ли кто-нибудь усомнится въ томъ, что Н. Н. Страховъ имѣлъ вполнѣ законное право пытаться совмѣстить въ своемъ міросозерцаніи прирожденный и свойственный его уму свѣтлый *раціонализмъ* съ естественною для каждаго не только серьезно мыслящаго, но и глубоко чувствующаго человѣка вѣрою въ непостижимость коренной основы жизни, — философскую трезвость мысли и діалектическій методъ мышленія съ искреннею, но своеобразною религіозностью.

Дуализмъ Страхова былъ только особымъ проявленіемъ неустранимаго дуализма человѣческой природы и мысли, а онъ, какъ мы видѣли, исповѣдывалъ этотъ дуализмъ не только практически, но и теоретически, хотя и стремился разрѣшить его въ высшемъ идеалистическомъ монизмѣ. Самая жизнь Страхова была нѣкоторою душевною драмой, которая вела къ такому дуализму. Искренно и всецѣло преданный литературѣ, несомнѣнно даровитый, *исключительно* разносторонне (для нашего общества) образованный и просвѣщенный, онъ встрѣчалъ въ своей литературной дѣятельности до самаго зрѣлаго возраста однѣ только помѣхи, — грубое непониманіе, часто насмѣшки или полное игнорированіе. Онъ не сразу привыкъ къ такому положенію, и вотъ какъ онъ, уже въ зрѣлые годы, характеризуетъ самъ свое положеніе, какъ писателя:

„Что наша литература есть литература фанатическая, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Разсужденіе, правильное развитіе мыслей, логически послѣдовательные споры у насъ не существуютъ, почти невозможны по натурѣ нашихъ пишущихъ и по натурѣ нашей публики. У насъ возможны и имѣютъ ходъ, почти исключительно, только всякія вѣры и ненависти, всякія идолопоклонничества и затаптыванія въ грязь, всякіе свисты и боготворенія. Вашъ покорный слуга тѣмъ больше имѣетъ право это говорить, что самъ принадлежитъ къ числу затоптанныхъ въ грязь. Вы

Библиотека "Руниверс"

пожалуй, не предполагали, что дѣло дошло до подобной крайности, и что я нахожусь въ такомъ ужасномъ положеніи; но фактъ уже заявленъ тѣми, кого можно считать въ такихъ дѣлахъ вполнѣ свѣдущими. Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» 1874 года, отъ 27 ноября, г. Михайловскій, на половину съ торжествомъ, на половину съ сожалѣніемъ, говоритъ: „мы втоптали въ грязь г. Страхова, человѣка... и пр.“ Пожалуйста, не подумайте, что я принимаю все происшествіе въ шутку; старанія этихъ „мы“ не всегда оставались безуспѣшными...“ („О вѣчн. истинахъ“, стр. 13).

Въ своихъ частныхъ разговорахъ и письмахъ Н. Н. иногда трогательно, по чрезвычайной скромности выраженій, изъявлялъ благодарность за то, что, наконецъ, его читаютъ, понимаютъ и цѣнятъ: „Покорно васъ благодарю за ваше письмо,—писалъ онъ намъ въ апрѣлѣ 1887 г.,—и за то, что хвалите мою книгу (Объ основныхъ понятіяхъ), и за то, что просите моего совѣта. Очень мнѣ пріятно ваше вниманіе, и признаюсь, не разъ васъ корилъ за то, что до сихъ поръ вы меня не читали“. Послѣ выхода первой книги журнала «Вопросы философіи и психологіи» въ 1889 году, Н. Н. Страховъ писалъ: „Душевно благодарю васъ за то, что упомянули обо мнѣ и съ такимъ почетомъ въ вашемъ вступленіи: эта честь мнѣ еще *вновѣ*“. Черезъ годъ, въ 1890 г., Н. Н. писалъ между прочимъ: „Какъ-то вы мнѣ писали: «у васъ много враговъ». Это меня очень огорчило и заставило задуматься. За что же? Они зачинщики, они осыпаютъ меня бранью, а потомъ я же выхожу и злымъ, и бранчивымъ“.

Да, много было литературныхъ враговъ у Н. Н. Страхова, которые его часто напрасно бранили за откровенное и искреннее слово убѣжденія по вопросамъ, иногда совершенно теоретическимъ, и совершенно правъ былъ Н. Н., когда говорилъ, что у насъ въ Россіи не умѣютъ спорить и разсуждать; а между тѣмъ мыслитель онъ все-таки былъ изъ ряду выходящій, сколько бы его ни бранили. Вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію нашего уважаемаго коллеги, профессора С.-Петербургскаго университета, Александра Ива-

Библиотека "Руниверс"

новича Введенскаго, что „значеніе дѣятельности покойнаго Н. Н. Страхова для нарождающейся русской философіи состоитъ въ томъ, что онъ написалъ нѣсколько книгъ, при помощи которыхъ въ Россіи еще долгое время будутъ охотно начинать учиться мыслить и которыя столь же долгое время будутъ считаться образцами философскаго изложенія...“ („Образованіе“, мартъ 1896 г., стр. 8: статья «Значеніе философской дѣятельности Н. Н. Страхова»).

Страховъ не былъ творческимъ геніемъ, создателемъ новой философской системы, могущей имѣть міровое значеніе. Но мы еще и не дожили до своихъ Платоновъ и Аристотелей: слишкомъ неблагопріятна и убога для этого наша общественно-интеллектуальная почва. Страхову великое спасибо за то, что онъ одинъ изъ первыхъ особенно энергично и ясно призывалъ русскихъ людей *мыслить самостоятельно*, не отрѣшаясь однако отъ науки и отъ исторіи западной европейской мысли. Это былъ не узкій славянофилъ, но истинно русскій человѣкъ, вѣрившій, подобно Данилевскому, что мы призваны внести въ общеевропейскую культуру свой особый цѣнный вкладъ и упразднить нѣкоторыя ея противорѣчія. Какъ мыслитель-діалектикъ, онъ допускалъ необходимость „тезиса“ и „антитезиса“ (въ духѣ Гегеля), но стремился самъ своеобразно осуществить послѣднюю задачу мысли — *синтезъ*. Много ли у насъ въ литературѣ людей, правильно сознающихъ широту этой задачи?

Мы глубоко убѣждены, что образъ Страхова, какъ своеобразнаго русскаго мыслителя, будетъ все болѣе и болѣе расти, и что его произведенія станутъ скоро философскою хрестоматіей для всякаго русскаго читателя, желающаго сдѣлать первый серьёзный шагъ къ самостоятельному мышленію.

Къ сожалѣнію, немногіе внимательно изучали у насъ его философскія и литературныя произведенія.

Библиотека "Руниверс"

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

А. Козловъ: «Философскіе этюды». Критич. очеркъ. Кіевъ. 1877 (30 стр.).
Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа. Кіевъ. 1878 (68 стр.).
Essai sur les principes d'une nouvelle classification des sentiments. Paris. 1878 (38 p.) (Rev. Philos.).
Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ. С.-Пб. 1880 (XIV+569 стр.).
Философія, какъ вѣтвь искусства. С.-Пб. 1880. 4 стр. (Мысль).
По поводу вопроса о психологіи чувствованій. С.-Пб. 1880. 29 стр. (В. Евр.).
Еще по поводу вопроса о психологіи чувствованій. Кіевъ (38 стр.) 1881.
Къ вопросу о реформѣ логики. Лейпц. 1882. (XXVI+349).
Отношеніе философіи къ наукѣ и искусству. Кіевъ. 1883 (27 стр.) (Заря).
Къ вопросу о критеріяхъ истины. С.-Пб. 1883. 26 стр. (Р. Бог.) и Изъ міра науки: Загадки знанія. Кіевъ. 1883 (Заря).
Опытъ новаго опредѣленія понятія „прогрессъ". Одесса 1883 (21 стр.).
Прогрессъ и наука. Од. 1884. 16 стр. (Од. Л.).
Отвѣтъ «Обыкновенному читателю». Дѣло. 1884 (11 стр.).
Къ вопросу о свободѣ воли. Од. 1884. 21 стр. (Од. Л.).
Еще къ вопросу о свободѣ воли. С.-Пб. 1884. 23 стр. (Р. Бог.).
О субъективизмѣ въ соціологіи (6 стр.) и Еще нѣсколько соображеній о задачахъ соціологіи. Од. 1884. 6 стр. (Од. В.).
О научномъ значеніи пессимизма и оптимизма, какъ міровоззрѣній. Од. 1884. 28 стр. (Зап. Новорос. унив.).
Основные типы философскихъ построеній въ разныя эпохи. С.-Пб. 1884. 40 стр. (Р. Бог.).
Эгоизмъ и альтруизмъ предъ судомъ здраваго смысла и науки. С.-Пб. 1884. 25 стр. (Новь).
Къ вопросу о классификаціи наукъ. С.-Пб. 1884. 70 стр. (Р. Бог.)
Психологія. Лекціи (литографія). Одесса 1884 (248 стр.).
Введеніе въ курсъ исторіи философіи. Одесса 1884. Литогр. (199 стр.).
Джіордано Бруно и пантеизмъ. Одесса 1884. 86 стр. (Зап. Нов. унив.).
Задачи философіи въ связи съ ученіемъ Дж. Бруно. Од. 1885 (18 стр.).
О нравственной отвѣтственности и юридической вмѣняемости. Одесса 1885. 47 стр. (Зап. Юридич. Общ.).
О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ. Одесса 1886 (92 стр.).
Къ вопросу объ истинныхъ задачахъ философіи. Москва 1886 (41 стр.) (Русск. Мысль).
О направленіи и задачахъ моей философіи. Отвѣтъ архіепископу Никанору. Москва 1886 г. 18 стр. (Прав. Обозр.).

Библиотека "Руниверс"

Извлеченіе изъ сообщенія о свободѣ воли. Общія положенія. М. 1887 (4 стр.).

О значеніи философіи Шопенгауера. Москва 1888. 39 стр. (Труды Моск. Псих. Общ.).

По поводу вопроса о задачахъ искусства. Тезисы (8 стр.). Москва 1888.

Философія Платона. Лекціи (литографія). Москва 1888 (260 стр.).

» » 2-е изданіе. Москва 1889.

Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка. Москва 1889. (42 стр.).

Дополненіе къ рефер. «Значеніе чувства» и проч. Москва 1889 (12 стр.).

Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности. М. 1889. 106 стр. (Труды Моск. Псих. Общ.).

Психологическій съѣздъ въ Парижѣ. Тамъ же (22 стр.).

О задачахъ журнала. «Вопр. Фил. и Психол.» I. 1889 (20 стр.).

La causalité et la conservation de l'énergie en psychologie. Paris (Compte rendu de la Soc. de Psych. physiol.) 1890 (17 стр.).

Что такое метафизика? Тамъ же. II. 1890 (32 стр.).

Жизненныя задачи психологіи. Тамъ же. III. 1890 (52 стр.).

Общія основанія психологіи. Лекціи (литографія). Москва 1890—91 (122 стр.).

Еще о задачахъ журнала «Вопр. Филос. и Психол.». VI. 1891 (6 стр.).

Введеніе въ исторію новой философіи. «Вопр. Филос. и Психол.». VII. 1891 (25 стр.).

Основные моменты въ развитіи новой философіи. Тамъ же. VIII—X и XIII. 1891—92 (69 стр.). Отд. изданіе «Посредника». Москва. 1894.

Annales des sciences psychiques. Тамъ же. VIII. 1891 (4 стр.).

Л. Лопатинъ. Положительныя задачи философіи, ч. II. Тамъ же. X. 1891 (9 стр.).

Изъ поѣздки по неурожайнымъ уѣздамъ. Одесскій Сборникъ 1892.

Основаніе нравственнаго долга. I—IV. Вопр. Филос. и Псих., XII и XV. 1892 (61 стр.).

Нравственные идеалы нашего времени. Фр. Ницше и Левъ Толстой. Тамъ же. XVI. 1893 (26 стр.). Брош. 3-е изданіе. 1894.

Къ вопросу о значеніи идеи параллелизма въ психологіи. Тамъ же. XXI. 1894 (18 стр.).

О времени. I—XII. Тамъ же. XXIII—XV. 1894 (115 стр.).

Устои нравственной жизни и дѣятельности. Тамъ же. XXVII (26 стр.).

Основанія экспериментальной психологіи. Тамъ же. XXX (55 стр.).

Цѣна 30 к.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"